

Текст Ахо четко отражает ту давящую политическую атмосферу, которая преобладала в отношениях между Финляндией и Россией уже несколько лет и стремилась распространиться до уровня обычной будничной практики. Это настроение определено не распространялось на крестьян приграничных волостей и мелких торговцев, но финляндская интеллигенция чувствовала его повсюду. На приезжавших в Петербург, в город финляндской судьбы, либеральных интеллектуалов из национальных меньшинств более или менее против своего желания давила громадность России, свидетельством которой служил Петербург. Душа России представляла необъяснимо иной и непредсказуемой, хотя она не была лишена симпатичных черт.

Репортаж Ахо — это сбалансированное и интеллигентное слово современника. Безусловным исходным пунктом для писателя было почти полное отличие Финляндии от России, которая теперь угрожала финнам пока хотя и незначительными, но конкретными делами, такими как вывески на русском языке на телеграфных конторах. Писатель не испытывал ко всему русскому антипатии, но ужасался проникновению всего русского в его собственную маленькую родину. С общегосударственных позиций в тексте Ахо не содержится ничего особого, но иного едва ли следовало и ожидать. «Голова России», точнее, позиция петербургской прессы постоянно отражалась в финской прессе. Русский шовинизм представлял на фоне всего виденного в качестве внешней угрозы, которая несла опасность всему тому, что для просвещенной национальной публики Финляндии было дорого и свято.

Финляндия Веры Желиховской

Вера Петровна Желиховская (1835–1896) принадлежала к аристократическим кругам России. Ее предки со стороны матери восходили аж к киевскому князю Ярославу Мудрому. Она была в свое время близка со знаменитостями и влиятельными людьми. Основательница теософии Елена Блаватская была ее сестрой, а министр финансов Сергей Юльевич Витте — ее двоюродным братом. Вера Петровна была писательницей, которая публиковала рассказы во многих периодических изданиях, в том числе в главном рупоре антифинляндских настроений «Московских ведомостях». В действительности писательница вовсе не была реакционным политиком, а скорее была известна своими фантастическими, теософскими

сочинениями и детскими произведениями. Большую часть своей жизни Желиховская провела в Одессе, а последние два десятилетия прожила в Петербурге.

В 1893 г., уже в преклонном возрасте Вера Петровна успела побывать в Южной Финляндии и опубликовала в «Московских ведомостях» серию из семи очерков. Общая тональность статей отнюдь не отмечена печатью великодержавного шовинизма или злости, а скорее снисходительностью дамы большого света, которая рассматривает маленькие провинциальные европейские столицы с высот петербургской знати и сравнивает природные достопримечательности соседней страны с достопримечательностями Швейцарии и Кавказа. Женский взгляд Желиховской на мир дополняет прочие описания Финляндии XIX в. При его оценке следует учитывать, что финляндско-русский словесный конфликт в то время достиг своих высших точек, когда те же «Московские ведомости» нападали на «так называемые» основные законы Финляндии, «армию» Великого княжества и прочие многочисленные особенности и особые права пограничной территории. В прессе даже вспоминали довольно регулярно о бедственном положении русских и русского языка в Финляндии, а также о хамстве «аборигенов» и дерзостях, которые говорят русским и говорящим по-русски. Положение русского языка, скорее всего, и было тем обстоятельством, которое в статьях Желиховской отвечало общей тональности публикаций «Московских ведомостей» о Финляндии.

Первым пунктом поездки Желиховской был «опрятный маленький город Выборг». В городе, как говорят, никогда не видели ни пьяного, ни нищего, что хорошо, но русский там явно не чувствует себя как дома. Никто, «особенно женщины», здесь русским языком не владеет, только глупо улыбаются и крутят головой. Что касается простого народа, то это не удивительно, но то, что полиция ни слова не знает по-русски во входящем в состав Российской империи городе — это досадный и нестерпимый факт.

Вопрос о языке был предметом интереса писательницы во всех местах, где она останавливалась. В целом, в Финляндии знали языки, в ресторанах меню могло быть на языках всех европейских государств, кроме русского. В Южной Финляндии всегда можно найти образованного человека, говорящего по-немецки или по-французски, но владеющего русским — нет. В Тампере все-таки нашлась служанка-карелка, которая сносно говорила по-русски, а писательница смогла насладиться беглым английским извозчика. Тот служил с десяток лет на английском судне. Языковая проблема

доставляла, однако, знающей языки писательнице постоянные затруднения. Несмотря на предложение, она не осмелилась поехать дальше Иматры и Лаппеенранты в Восточную Финляндию, т. к. там один из ее знакомых попал в плохую ситуацию. Во время проливного дождя он со своим багажом долго искал пристанище. В этих краях ведь нет даже говорящих по-шведски, а понимающих язык жестов финнов с трудом можно было отыскать. В Китае было бы легче, полагала писательница, т. к. там определенно нашлись бы толмачи, которые владели бы более распространенным языком, чем финский.

Русский действительно относился в Финляндии к редким языкам. В отели выписывали европейские газеты, но не русские, хотя большинство путешествующих составляли русские. В Лаппеенранте насчитывалось довольно много русских, между прочим, как говорили, преуспевающих купцов, но даже здесь удалось заказать отправление в почтовом отделении только с помощью оказавшейся на месте несовершеннолетней девочки, которая разносила все русскоязычные письма. В действительности в Лаппеенранте, как и в других местах Финляндии, по-русски говорили только российские солдаты.

Впрочем, Лаппеенранта была вполне уютным и удивительно опрятным маленьким городом, располагавшимся в живописном месте. Интересными были также природные красоты Восточной Финляндии, от «Монрепо» барона Николаи до водопада Иматры. Но повидавшая мир путешественница видела и более впечатляющие картины.

В Гельсингфорсе было очень чисто, легко поддерживалась связь благодаря наличию почти в каждом доме телефонов и комфортным пролеткам с высокими колесами с резиновыми покрышками. Скалистая природа и морские пейзажи были великолепны, так же, как и некоторые здания, например, Атенеум. В последнем были вызывающие интерес полотна, такие как картина Альберта Эдельфельта, запечатлевшая надругательство герцога Карла над телом Клауса Флеминга. Но об этих полотнах в России не было известно, т. к. в здании все надписи только по-шведски и по-фински. Языковая проблема была заметна и в Гельсингфорсе. Вышагивающий в роскошном мундире Юпитер полицейского управления только презрительно мотнул головой, когда к нему обратились по-русски. Обращение по-немецки уменьшило презрение, но не добавило понимания. Невероятную особенность обнаруживаешь, однако, в университетской библиотеке: сорок тысяч русских книг!

Более удивительно другое — в книжных магазинах книги на всех европейских языках, кроме русского.

В Гельсингфорсе рассказывали о многочисленных великолепных парках. Они не вполне соответствуют тому, что под парками подразумевают, например, в Англии, это, скорее всего, перелески. Парк Кайсаниemi можно назвать садом. Музыки в городе достаточно, не только в парках, но также у невзыскательного ресторанички под названием *Kappeli*, где играет духовой оркестр местного батальона. К слову сказать, «Московские ведомости» ранее не одобряли того, что задней стороной *Kappeli* обращен к зданию, занимаемому генерал-губернатором, и на него летит из трубы маргариновая гарь. Также с утра и до вечера резонанс от музыки доставляет беспокойство соседям. На Эспланаде стоял огромный памятник Рунебергу — «наиболее примечательному и если не единственному» финляндскому поэту. Ранее в том же году газета разоблачала скрытый сепаратистский смысл торжеств в день памяти поэта и антироссийскую сущность поэзии Рунеберга.

Несмотря на проблему владения языком, Гельсингфорс в описании Желиховской не производит впечатления скучного места. Виды на острова и море, шведский стол (смергосбург), т. е. холодные закуски в ресторанах и комфортное перемещение по городу являлись хорошими сторонами. Плавание на корабле вдоль финского побережья само по себе было увлекательным. В Ханко имелась купальня, но места было слишком мало, чтобы *femme du monde* смогла бы избежать скуки, пробыв там более двух дней. Турку был маленьким и, что удивительно, не особенно чистым городом. Объяснялось ли это тем, что «самая чистая» публика выехала на дачи? К счастью, нашелся говорящий по-русски извозчик, к услугам которого затем прибегали неоднократно. Лакеи в гостинице говорили на всех европейских языках, кроме русского. В Тампере поехали на поезде, кондуктором был чухонец, от которого только слышали *jiiijii*, *jaajaa*, *joojoo* и который делал свою речь более доступной похлопыванием по спине, что было типичным здесь вне зависимости от возраста и пола.

Во время пребывания Желиховской в Тампере там находился в инспекторской поездке генерал Гончаров, с которым писательница познакомилась еще в Гельсингфорсе и имя которого она позже использовала также в Нокиа, около Тампере. Оно действительно стало паролем «Сезам, откройся», который заставил дирекцию завода быть очень обходительной. В разговоре использовался,

правда, немецкий, т. к. владевший русским директор находился теперь в свите Гончарова.

По пути Желиховская посетила еще несколько мест, из которых Ауланко произвел на нее особенно благоприятное впечатление. Однако везде проблемой оставалось слабое или незначительное знание населением русского языка. Это вовсе не объяснялось русофобией. Например, священник православной церкви в Хямеенлинне заверял, что православные обряды никак не нарушаются и что он ведет службы также и на финском языке. Большую часть православных в Финляндии составляли финны, а не русские. Проблемой прежде всего являлось то, что общины и русские школы были очень бедны.

Постоянным читателям «Московских ведомостей» местная ситуация, бесспорно, казалась в этом отношении исключительной, т. к. у газеты в обычае было добросовестно сообщать о различных происходящих в Финляндии притеснениях русских и религиозных нарушениях, как, например, о входе в храм в головном уборе и с зажженной трубкой или об оскорблениях священников и прочих неприятностях. О более волнующих происшествиях также писали: рассказывали, что финские солдаты подожгли икону; в пьесе писательницы Минны Кант насмеялись над православной верой, когда говорили об иконах Олонецкой церкви; и, как своего рода предел всего, газета приводила пример, как присутствовавший на учениях финляндской гвардии писатель при продвижении на восток вдруг почувствовал «вредный запах рюсся». Для достоверности фраза была воспроизведена и по-фински.

Репортаж Желиховской вполне подходил для общей линии «Московских ведомостей», т. к. в нем подчеркивалась языковая обособленность пограничной территории и дискриминация русских и русского языка в Великом княжестве. Однако тон писательницы не был особенно гневным, у нее нашлись слова признательности в оценке тех дел, которые она сочла положительными. В целом репортаж способствовал, однако, упрочению того предвзятого мнения, которое уже сложилось у читателей националистической прессы и не всегда было вполне достоверным.

Толстой в Финляндии и в России

Финны хорошо знают Льва Толстого, этого «Большого рюсся», этого «старика из Ясной Поляны», как именовал его в своем талантливом фельетоне лауреат Нобелевской премии Ф.Э. Силланпяя. Финны